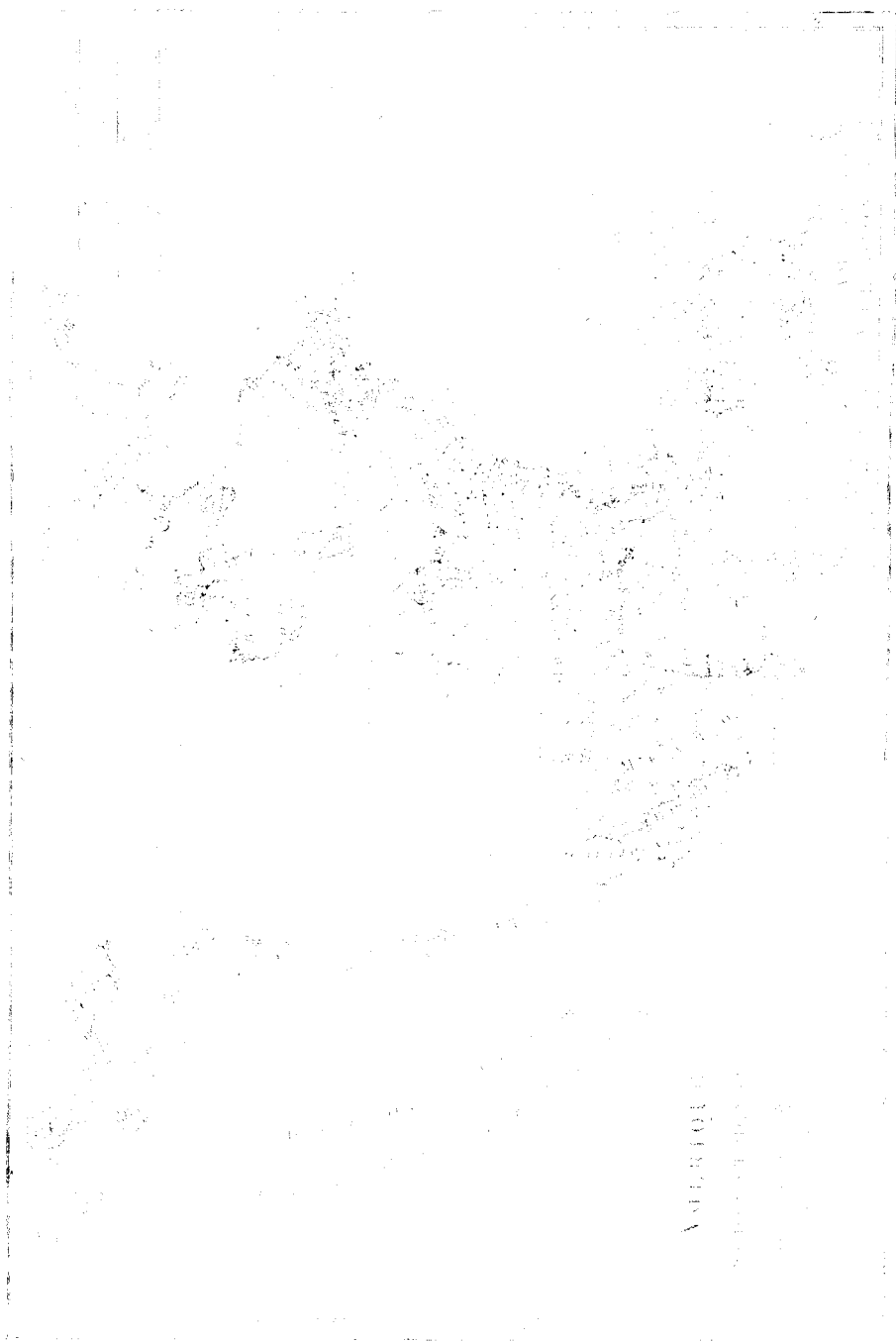

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ США

«Кому следует писать историю американской революции? Кто может написать ее?» – вопрошал в письме к Томасу Джефферсону Джон Адамс. «История нашей революции будет одной сплошной ложью с начала и до конца. По сути она сведется к тому, что громоотвод доктора Франклина ударил оземь, и оттуда выпрыгнул Джордж Вашингтон». Несмотря на столь пессимистичный прогноз одного из «отцов-основателей» американского государства, революция по-прежнему остается одной из центральных и наиболее дискуссионных тем американской историографии. Сложность феномена американской Войны за независимость состоит в том, что в рамках англо-американского конфликта одновременно получили развитие и освободительная антиколониальная война, и политическая революция, и гражданская война. В результате антиколониальной войны бывшие британские колонии стали независимым суверенным государством. Политическая революция привела к рождению первого республиканского государства, основанного на новых, демократических по своей природе, политических и правовых принципах. Противостояние сторонников и противников революции вылилось по сути в гражданскую войну, обнажившую серьезный социальный конфликт внутри американского общества. Наряду с изучением радикальных политических доктрин и экономических факторов, ставших причиной оформления освободительного движения в британских колониях, современные исследователи стремятся учесть сложные религиозные и психологические мотивы поведения людей. Наконец, особое звучание в новейшей американской историографии получили гендерная и расовая история.

ПУРИТАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА И ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Комплекс идейных предпосылок Войны за независимость весьма неоднороден. На протяжении многих лет традиционно центральное место отводилось Просвещению по аналогии с привычным взглядом на Просвещение как на идеологическую основу Французской революции. Однако в последние годы все больше внимания исследователей привлекают изменения в массовом сознании колонистов и радикализация религиозной жизни в результате первого «Великого пробуждения», охватившего все британские колонии в Северной Америке в 30–50-е годы XVIII в. и протекавшего параллельно с просветительским движением. Впервые жители колоний, исповедующие различные религиозные взгляды, пережили общий духовный подъем, сильнейшее эмоциональное потрясение. Раскрепощающее воздействие религиозного обновления испытали на себе и верхушка, и низы колониального общества, для которых «дикая» экзальтация означала временное освобождение от рутины каждодневного тяжелого труда и обретение жизненного стержня, уверенности. Ничего подобного «Великому пробуждению» по своим масштабам и степени влияния на общество колонии прежде не видели.

«Северная Америка». Карта Р. Бонна. 1780 г.

Проповедник Джонатан Эдвардс, один из вдохновителей «Великого пробуждения», писал: «Религиозное оживление затронуло самых разных людей, порочных и праведных, занимающих высокое и низкое положение в обществе, богатых и бедных, благоразумных и грешников». Оно стало первым движением в американской истории, носившим по-настоящему межколониальный характер, способствуя формированию в Британской Америке единого религиозного и отчасти идеологического пространства. Осознание общности религиозных переживаний постепенно переходило в осознание общности интересов. Став первым совместным духовным опытом, «Великое пробуждение» положило начало процессу формирования общности колонистов – будущей американской нации.

В конечном счете отрицание института официальной церкви способствовало утверждению принципа свободы личного выбора веры, подразумевавшего также и возможность осознанного отказа от религии или равнодушного отношения к ней. Следствием «Великого пробуждения» стала смена традиционного общественного уклада, утверждение принципа религиозного плюрализма, индивидуализма, а также добровольного участия в различных объединениях.

В результате событий «Великого пробуждения» постепенно сходила на нет негативная коннотация слова «энтузиазм», бывшего долгое время синонимом религиозного экстремизма. Интересно, что с течением времени такие ключевые понятия протестантской религиозной культуры, как «оживление», «пробуждение», «энтузиазм» переключаются в политический лексикон. Во время Войны за независимость характерна постоянная апелляция лидеров патриотического лагеря к энтузиазму, теперь воспринимаемому как синоним высокой, благородной убежденности в идеалах свободы и независимости. «Ведь что такое энтузиазм, – вопрошал член законодательной ассамблеи Нью-Йорка, – как не отречение от самого себя и растворение... в идее, которая обрела большую значимость, чем личные интересы». Ему вторит и Джон Адамс, подчеркивая, что «ни одно великое предприятие в истории человечества не было совершенно без изрядной доли благородного энтузиазма».

Преобладающий в современной американской историографии так называемый «трансатлантический подход», изучающий сложную природу связей между метрополией и ее американскими колониями, особое внимание акцентирует на взаимовлиянии идей набиравшего силу английского методизма и религиозного «бума» в Британской Америке. Именно приезд известного английского проповедника Джорджа Уитфилда привнес новые элементы евангелического протестантизма в американские колонии. Уитфилд объехал весь англосаксонский мир, помимо британских колоний в Северной Америке, он побывал в Уэльсе, Шотландии, на островах Карибского бассейна, став самым известным религиозным деятелем XVIII столетия для Британской империи (за период 1738–1770 г. он 13 раз пересекал Атлантику). В глазах английского евангелиста все разрозненные религиозные «оживления» (рост влияния методизма в различных регионах Великобритании, расцвет пиетизма на европейском континенте, евангелизация американского протестантизма) объединяются в грандиозную картину масштабного обновления веры.

Точно так же и американская просветительская идеология, опираясь на идейный опыт накопленный общественно-политической мыслью колоний,

получила мощнейший интеллектуальный импульс извне. Американское Просвещение формировалось под сильным влиянием английской и французской просветительской мысли, прежде всего сочинений Дж. Локка, Ш. Монтескье, Э. Шефтсбери. Однако все почерпнутые у европейских мыслителей идеи переосмысливались применительно к конкретной исторической и культурной ситуации в Новом Свете. Характерной особенностью американского Просвещения стала ориентация на практическое использование новых теорий познания, государства, права, размышлений о природе человека. Любые отвлеченные европейские теории приобретали конкретную направленность в Америке; американцам важно было знать, как просветительские идеалы могут быть реализованы в Новом Свете. Воспитанные в традициях кальвинистской предубежденности в отношении природы человека, американские просветители не склонны были к благоотноптимистическим оценкам человеческой природы. Напротив, большинство из них придерживались скептической точки зрения, полагая, вслед за Франклином, что люди гораздо «более расположены к тому, чтобы причинять друг другу вред, нежели искупать свою вину, легче поддаются, чем противятся обману». Целый ряд пуританских догматов, регламентировавших повседневную жизнь, таких, как забота о земном благополучии, трудолюбие, умеренность, вполне согласовывались с утилитаристскими элементами просветительской доктрины.

Население британских колоний в Северной Америке было подготовлено к восприятию идей европейского Просвещения во многом благодаря радикальной политической концепции американского пуританизма. Пуританизм стал своего рода «связующим звеном» между традиционными религиозными представлениями и более свободным, рационалистическим мировоззрением. Работы радикальных пуританских авторов XVIII в. (Дж. Уайза, Дж. Мэйхью и др.) были написаны в традиционной форме проповеди или комментария к тому или иному тексту Священного Писания. Однако главными критериями истины, даже при анализе библейских текстов, признавались «чистый разум» и «всеобщее благо» людей. Человек, его разум, интересы, естественные права и свободы вышли на первый план философских сочинений радикальных пуританских священников. Именно человек, а не божественный промысел, предстает в их работах главным творцом политических институтов общества. Проводя постоянные параллели между главными принципами американского пуританизма и светскими институтами власти, Джон Уайз приходил к выводу, что «согласно велению истинного разума, демократия в церкви и государстве является весьма почетной и законной формой правления». Полностью отвергая доктрину «наследственной, неотъемлемой божественной власти королей», считая «абсурдной, противоречащей здравому смыслу ситуацию, когда миллионы людей должны подчиняться капризам одного единственного человека» (Дж. Мэйхью), пуританские авторы провозглашали право народа на восстание против деспотического правления, считали народный суверенитет основой любого политического строя, настаивали на отделении церкви от институтов светской власти.

Именно в сочинениях радикальных пуританских авторов был впервые поднят вопрос о равенстве политических прав жителей колоний и метрополии, что стало реакцией на централизацию управления и ликвидацию

законодательных ассамблей колоний Новой Англии в середине 80-х годов XVII в. Когда Уайз призвал колонистов не платить налогов, не утвержденных их представительными учреждениями, о нем заговорила вся Америка. Во время суда Уайз апеллировал к Великой хартии вольностей и отстаивал право колонистов на представительное правление и суд присяжных, считая их «двумя великими столпами английских свобод». Неудивительно, что как только стало известно о событиях «Славной революции» в метрополии, жители колоний Новой Англии и Нью-Йорка восстали и свергли ненавистный режим. Объясняя причины, побудившие их взяться за оружие весной 1689 г., авторы многочисленных пуританских памфлетов приводили исключительно светские (а не религиозные) доводы, обвиняя королевского губернатора Андроса прежде всего в нарушении прав собственности и ликвидации представительных учреждений, а не в преступлениях против веры. Таким образом, обладая огромным влиянием на политическое мировоззрение колонистов, радикальное течение американского пуританизма подготовило почву для восприятия населением Британской Америки идеологии Просвещения и революционных политических идей эпохи Войны за независимость.

Огромное влияние на формирование идеологического климата колоний оказывал рост политического радикализма в Англии в 60–70-е годы XVIII в., ставшего следствием усиления консервативных начал в государственной политике после восшествия на престол Георга III. Вопросы, оказавшиеся впоследствии в центре англо-американского конфликта – о природе и границах государственной власти, о методах противодействия коррумпированной власти, о правах индивида в гражданском обществе – были подняты вигской оппозицией в Англии. Ряд исследователей, указывая на преемственность политических идей американских патриотов и левого крыла английских вигов, называют Американскую революцию «третьей в триаде Британских революций».

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА МЕТРОПОЛИИ И РАЗВИТИЕ КОЛОНИЙ

При анализе социально-экономических причин революционных событий в Северной Америке современные исследователи скорее склонны говорить о более широких временных рамках и длительном периоде трансформации колониального общества, нежели о конкретных событиях социально-экономического плана.

Одной из наиболее дискуссионных в историографии остается проблема негативного влияния экономической политики метрополии на развитие колоний. Торговля и промышленное развитие американских колоний были поставлены в жесткие рамки зависимости от метрополии в результате провозглашенных Англией Навигационных актов. Американская экономика развивалась традиционным для колоний путем. Метрополия сбывала в колониях свои промышленные изделия. Колониям же отводилась роль поставщиков сырья, необходимого для развития британской промышленности. В соответствии с экономической доктриной меркантилизма колониальная торговля должна была обогащать метрополию при обязательном соблюдении условия

благоприятного для метрополии торгового баланса, когда сумма вывозимых промышленных товаров превышала стоимость ввозимого сырья.

Политика английских властей препятствовала развитию мануфактур в Америке, они испытывали острую нехватку специалистов и рабочих рук, а потому часто терпели крах. Принятые английским парламентом шерстяной, шляпный, кожаный, железный и другие акты запрещали производство определенных видов товаров в колониях. В XVIII в. были введены ограничения на переселение в Америку квалифицированных рабочих. Успехи колониальной промышленности были невелики: во второй половине XVIII в. одиннадцать из двенадцати жителей провинции Нью-Йорк носили одежду британского производства. Однако многие запреты, исходившие из Англии, имели скорее предупредительный характер. Так, например, американские шерстяные изделия были пока еще слишком низкого качества, чтобы конкурировать с английскими.

Вместе с тем нельзя однозначно негативно оценивать последствия политики меркантилизма для развития колоний. В них быстро развивалось производство материалов, на которые в Англии существовал повышенный спрос. Они поставляли в изобилии лес и другие материалы, необходимые для английского судостроения. Другим важным видом промышленного сырья, получаемым Англией из колоний, был чугун. К 70-м годам XVIII в. Америка становится одним из основных производителей необработанного железа в мире. Выплавка черных металлов в колониях возросла с 1,5 тыс. т. в 1700 г. до 30 тыс. в 1775 г., что составляло примерно седьмую часть мирового производства. Больше других преуспела судостроительная промышленность, в развитии которой была заинтересована метрополия. К 1775 г. треть судов, плававших под британским флагом, сошла с верфей Новой Англии; три четверти английской торговли с заморскими владениями обслуживалось кораблями колоний.

«ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Современные американские и британские авторы полагают, что колониальное общество, равно как и общество метрополии, постепенно вступало в эпоху «потребительской революции», ставшей следствием роста объема производства, масштабов обращения капитала и появления феномена свободного времени. Многие товары стали продаваться по значительно более доступным ценам. То что прежде считалось предметами роскоши (хорошая мебель, одежда, посуда и т.д.), стало теперь более доступным, иначе говоря, нормой потребления. Потребление на душу населения росло неслыханными ранее темпами. Важнейшим двигателем этой «революции» было стремление и, главное, возможность подражать стилю жизни элиты. Менялись вкусы как жителей метрополии, так и колоний: чай, шоколад, кофе стали входить в обиход не только состоятельных особ, но и людей небогатых, подражавших привычкам верхушки общества. На долю американских колоний в середине XVIII в. приходилось до 20% всего британского экспорта; рос и вывоз американской сельскохозяйственной продукции (табака, риса, индиго, пшеницы) в метрополию. Складывалась и развивалась

инфраструктура доставки, распространения, хранения и продажи товаров. Колонии, конечно же, пока еще сильно отставали от метрополии по степени развитости транспортной системы. Сообщение между отдельными населенными пунктами было нерегулярным, и связь осуществлялась практически исключительно через каботажное плавание. Лишь около 3% колониального населения приходилось на долю городов, которые по европейским масштабам были невелики – ко времени Войны за независимость Филадельфия насчитывала 24 тыс. жителей, Нью-Йорк – 18 тыс., Бостон – 16 тыс. Вся торговая и предпринимательская деятельность в колониальной Америке была сосредоточена на Атлантическом побережье; чем дальше продвигались колонисты в глубь континента, тем сильнее они отрывались от «цивилизации». Однако набиравшая обороты трансатлантическая торговля все больше приближала портовые города восточного побережья Северной Америки к метрополии. За первую половину XVIII в. число кораблей в Атлантике увеличилось вдвое, и регулярность их движения стала определяться расписанием. Время в пути заметно сократилось, а стоимость транспортировки грузов к концу колониального периода снизилась в два раза (по сравнению с XVII в.). Безопасность перевозок и сохранность грузов обеспечивали как самый могучий в мире британский военно-морской флот, так и знаменитая страховая фирма Ллойд.

Первая «потребительская революция» имела весьма неоднозначные последствия, став причиной повышения уровня жизни и одновременно роста задолженности жителей колоний. Здесь в полной мере сказалась зависимость колониальной экономики от колебаний мировой экономической конъюнктуры и мировых цен на выращиваемые в Америке сельскохозяйственные культуры. После крайне благоприятного для американской экономики периода 40-х – начала 60-х годов XVIII в. (когда, например, цены на зерно в Филадельфии, главном центре хлебной торговли, выросли на 50%) наступил ощутимый спад. Продолжая по инерции пользоваться кредитами английских торговых домов, многие плантаторы влезали в долги. Богатейшие люди колониальной Америки оказались заложниками монокультурности своего хозяйства. Задолженность плантаторов британским торговым домам составляла астрономическую для того времени цифру. Общий долг американских колоний Англии накануне Войны за независимость достигал 5 млн ф.ст., из которых пять шестых приходилось на долю плантаторов. Один этот факт служил постоянным источником раздражения и ненависти к британским кредиторам.

Потребительский бум в колониях в середине XVIII в. во многом стал возможен благодаря рекламе различных товаров, которая печаталась в американских газетах. Первая колониальная газета «Бостон Ньюслеттер» появилась в 1704 г. К 1739 г. газеты издавались уже во всех крупных портовых городах Америки – Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Чарльстоне, Уильямсбурге. В период назревания англо-американского конфликта газеты, журналы и прочие периодические издания оказывались аренами для продвижения не только товаров, но и идей, различных точек зрения. Предназначенные в первую очередь для торговцев и предпринимателей, колониальные газеты практически не публиковали местных новостей, за исключением информации о прибытии судов, рекламы ввезенных товаров или сведений о поимке

беглых рабов и сервентов*. Основные материалы перепечатывались почти исключительно из английской прессы и, как несложно догадаться, с чудовищным опозданием.

Такой характер статей в колониальной прессе лишний раз свидетельствует об огромном культурном влиянии метрополии на население Северной Америки. Большинство колонистов не считали себя американцами, а предпочитали с гордостью именовать себя подданными британской короны. Для них было характерно искреннее восхищение «идеальным» политическим строем метрополии, утонченностью манер английского джентри, глубиной мысли английской литературы. Богатейшие люди колоний пытались, как могли, копировать стиль жизни английского дворянства. Виргинские плантаторы строили роскошные дома в георгианском стиле, выписывали английские журналы, одевались по английской моде, приглашали к своим сыновьям английских гувернеров. Резкий перелом в отношении колонистов к метрополии произойдет в результате событий, последовавших после окончания Семилетней войны.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ И РАЗРАБОТКА АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Семилетняя война стала важнейшим рубежом американской истории; правда, в Северной Америке она велась на протяжении девяти лет (1754–1763). По Парижскому мирному договору (февраль 1763 г.) Франция потеряла почти все свои североамериканские владения, в том числе Канаду и Восточную Луизиану (земли, лежащие к востоку от р. Миссисипи). Западная Луизиана отошла к Испании как компенсация за передачу Англии Флориды. Семилетняя война стала самой успешной войной, которую Британия когда-либо вела. Морское и колониальное лидерство Англии было упрочено.

Однако война опустошила английскую казну – государственный долг достиг небывалого уровня; огромное территориальное расширение империи потребовало от Великобритании значительно больших расходов на содержание администрации и военных сил. С другой стороны, английские колонисты почувствовали себя менее зависимыми от военной мощи Англии – ведь в результате войны была ликвидирована угроза нападения на британские поселения со стороны колонистов других европейских держав. Как следствие, активизировалось движение на Запад, развернулась спекуляция западными землями, которые колонисты считали уже «своими», т.е. открытыми для британской колонизации. Во время войны, нарушившей торговые связи

* Сервенты, или «законтрактованные слуги», доставлялись в Америку в основном для работы на южных плантациях. С этими людьми заключался контракт на определенный срок (четыре-пять лет, реже семь лет), в течение которого они обязывались «отработать» те деньги, которые были потрачены на их транспортировку в Америку. Согласно английскому законодательству XVII в., положение сервентов мало чем отличалось от рабского, поэтому их часто называли «белыми рабами». Институт законтрактованных слуг не обеспечил полного решения проблемы рабочей силы на плантациях Юга, и с 80-х годов XVII в. здесь начался широкомасштабный переход на использование труда черных рабов. Рабство негров в XVIII в. стало преобладающей формой труда на плантациях Юга, использование труда законтрактованных слуг сохранялось, однако в значительно меньшем объеме.

метрополии с колониями, контроль за торговыми операциями ослаб, пышным цветом расцвела контрабандная торговля. Так, американские колонисты, в нарушение официальных предписаний и требований Навигационных актов, напрямую торговали с французскими вест-индскими колониями; нередко были случаи подкупа таможенников. В начале 60-х годов XVIII в. расходы метрополии на содержание таможенной службы превысили доходы от ввозных пошлин.

Таким образом, сложился определенный парадокс: колонии стали более независимыми (автономными) в военном, экономическом и психологическом смыслах, а метрополия более жестко, чем когда-либо, взялась за наведение порядка в своих североамериканских владениях. Колонисты в 1763 г. питали надежды на более или менее равноправное сотрудничество с метрополией, на ничем не сдерживаемое продвижение на западные земли, но власти метрополии быстро и недвусмысленно дали им понять, кто будет определять правила игры. Специальной прокламацией 1763 г. запрещалось дальнейшее продвижение за Аллеганы. Английское правительство справедливо опасалось, что дальнейшая экспансия в западном направлении неизбежно спровоцирует новые войны с индейскими племенами, а денег на очередную дорогостоящую войну попросту не было. Но с запретом метрополии посчитались далеко не все; начала быстро заселяться территория современного штата Кентукки, расположенная за запретительной линией. Скваттерство – самовольный захват земель в «глубине» американского континента, куда по сути не распространялась власть колониальной администрации, – стало обычным явлением еще на заре колонизации в первой половине XVII в. Фермерские хозяйства «пионеров границы» были свободны от каких-либо платежей; из-за неразвитости путей сообщения и удаленности от центров торговли, расположенных на Атлантическом побережье, они носили полунатуральный характер. Но для успешного продвижения в глубь американского континента колонистам требовалась военная помощь в борьбе с индейцами, чьи земли они занимали. Запретительная политика метрополии затрагивала интересы подавляющего большинства белого населения колоний, занимавшегося аграрным производством, как мелких фермеров, так и крупных плантаторов. Плантационное хозяйство требовало постоянной экспансии, смены земельных участков из-за того, что выращиваемые в плантационном хозяйстве культуры достаточно быстро истощали почву. Запрет (или всевозможные ограничения) на экспансию в западном направлении – это по сути отложенный смертный приговор для плантационного хозяйства. Таким образом, британская аграрная политика вызывала недовольство самых разных групп колониального общества.

Возможность предотвращения финансовой катастрофы английский кабинет лорда Гренвилла видел в максимальном налогообложении жителей как метрополии, так и колоний. Выступая с трибуны английского парламента, Гренвилл подчеркивал те преимущества, которые получили жители американских колоний в результате Семилетней войны, и одновременно обращал внимание на более чем скромный (финансовый и военный) вклад колонистов в общую победу. Хотя изначально участие Англии в войне определялось задачами европейской политики, после ее окончания правительство Великобритании объявило, что главной целью войны была защита колонистов и

обеспечение для них лучших возможностей колонизации Америки. Глава английского кабинета предложил вниманию лондонских законодателей целый пакет законов, среди которых был Currency Act (запрет на использование бумажных денег в колониях), Sugar Act (налог на сахар, хотя взимать его было практически невозможно, так как сахар ввозился контрабандистами из французских колоний Карибского бассейна) и, конечно, знаменитый Stamp Act (или закон о гербовом сборе), означавший введение впервые в истории взаимоотношений колоний и метрополии прямого парламентского налога на собственность жителей Северной Америки. Согласно этому закону, налогами облагались все печатные издания и юридические документы – брачные контракты, торговые соглашения, бумаги о наследстве, газеты, даже игральные карты.

Хотя сам размер налога был незначителен, американцы были возмущены тем, что их пытаются обложить налогами в обход колониальных ассамблей. Им отказывали в праве, составлявшем главную заповедь Английской революции XVII в., – налогообложение и представительство неотделимы! В колониях развернулось антигербовое движение, которое выдвинуло и первых лидеров патриотического лагеря. Безвестный до этого виргинец Патрик Генри выступил с пламенной речью на заседании законодательной ассамблеи Виргинии, первой обратившейся к обсуждению проекта закона о гербовом сборе. В результате было принято постановление: только жители Виргинии, представленные в колониальной ассамблее, имеют право вводить новые налоги. Эта же мысль в точности воспроизводилась в решениях законодательных собраний Массачусетса, Мэриленда, Коннектикута и Род-Айленда. Американцы были уверены, что эти законы «лишают колонистов, как британских подданных, некоторых наиболее важных прав». Бостонец Джон Адамс в письме к английскому другу жаловался, что в результате этого акта оказались попорчены «главные столпы британской конституции – право на представительное правление и суд присяжных».

Впервые в американской истории был созван межколониальный конгресс для обсуждения закона о гербовом сборе (осень 1765 г., Нью-Йорк); в его работе участвовали делегаты от девяти колоний. Конгресс принял декларацию о правах и жалобах британских колоний в Америке, а также направил верноподданническое обращение к королю и парламенту. Несмотря на умеренный характер этих документов, сам факт созыва конгресса знаменовал начало важных изменений. В Америке происходило то, что совсем недавно казалось невозможным: объединение колоний.

Повсеместно в колониях развернулась кампания против гербового сбора, в ходе которой образовались первые массовые патриотические организации – «Сыны свободы». Одной из наиболее эффективных мер отпора британской политике стало решение о бойкоте британских товаров. Особенно активно в эту кампанию включились жители крупнейших портовых городов на Северо-Востоке – Бостона и Нью-Йорка. Филадельфийское купечество, вовлеченное в трансатлантическую торговлю зерном и тесно связанное с крупнейшими британскими торговыми домами, медлило с принятием решения о поддержке кампании бойкота. Бойкот колонистами английских товаров весьма болезненно сказался на английской экономике и торговле. Если среднегодовой дефицит колоний в торговых операциях с метрополией состав-

лял порядка 500 тыс. ф., то в 1768 г. этот показатель сократился до 230 тыс. В 1769 г., когда к кампании бойкота присоединились филадельфийские купцы и виргинские плантаторы, торговое сальдо колоний впервые стало активным и превысило 816 тыс. ф.

В кампанию бойкота активно вступили и женские патриотические организации, получившие название «Дочери свободы», которые, поддерживая своих отцов и мужей, ввели моду на домотканую одежду в высшем бостонском и филадельфийском обществе. В результате беспрецедентной в истории колоний вспышки протеста, сопровождавшейся активными массовыми действиями, закон о гербовом сборе провалился. Оппозиция в самой Англии, петиции купечества, заинтересованного в торговле с Америкой, резкая критика со стороны депутатов-вигов заставили правительство тори уступить: британский парламент отменил закон о гербовом сборе в 1766 г. Однако уже через год по предложению министра финансов Чарлза Тауншенда он принял несколько законов, получивших по имени их автора название актов Тауншенда. Один из этих актов предусматривал установление новых пошлин на ввозимые в колонии товары: бумагу, стекло, краски и чай. Другой акт провозглашал создание Высшего таможенного управления со штаб-квартирой в Бостоне и широкими полномочиями. Наконец, третий акт приостанавливал деятельность законодательной ассамблеи Нью-Йорка до тех пор, пока она не утвердит специальные налоги на содержание расквартированных на территории колонии британских частей. Депутаты колониального собрания вопрошали: почему, когда им больше не угрожает французское вторжение с территории Канады, они должны платить больше налогов на содержание армии?

Принятие законов Тауншенда вызвало новый взрыв возмущения в колониях. Эдмунд Бёрк, выступая с трибуны Палаты общин, отметил, что «американцы сделали открытие, или думают, что они его сделали, что мы собираемся угнетать их; а мы сделали открытие, или думаем, что сделали его, что они имеют намерение восстать. Мы не знаем, как перейти в наступление; они не знают, как отступить». Бёрк прекрасно уловил умонастроение американцев, убежденных, что действия парламента – это свидетельство некоего тайного сговора, цель которого лишить жителей колоний их «исконных прав и свобод», которыми они пользовались как подданные британской короны. Патриот Джозеф Уоррен отмечал, что принятые парламентом акты были частью детально проработанного плана, целью которого было спровоцировать восстание колоний, а затем воспользоваться «военной силой, чтобы покорить их и держать в рабстве».

Деятельность патриотических организаций, созданных для противодействия «несправедливой» политике метрополии, постепенно становится более радикальной, в ряде случаев на первый план выходят социальные противоречия, а отнюдь не только политические пристрастия. В 1765 г. сторонники «Сынов свободы» разнесли дом вице-губернатора Массачусетса Томаса Хатчинсона в Бостоне, причем не только в силу политического протеста, но и как символ богатства, роскоши. Социальный протест городской толпы в ряде случаев пугал зажиточных колонистов, многие из них утратили интерес к массовому патриотическому движению. По-другому повели себя крупнейшие бостонские контрабандисты Сэмюэл Адамс и Джон Хэнкок.

В то время как большинство идеологов патриотического лагеря ратовали за меры морального воздействия на английские власти и уповали на подачу петиций королю и парламенту, С. Адамс обосновал и стал активно претворять в жизнь радикальную тактику борьбы. Он стал инициатором создания Комитетов связи (или корреспондентских комитетов), новых революционных органов сопротивления британской политике. Первый Комитет связи начал действовать с ноября 1772 г. в Бостоне. Уже через три месяца на территории Массачусетса было создано 80 комитетов. Со временем комитеты связи раскинули сеть своих нелегальных организаций по всей территории британских колоний. Призывы Адамса полагаться главным образом на силу в борьбе с англичанами находили отклик среди бостонцев. Именно в Бостоне 5 марта 1770 г. произошло первое столкновение горожан с английскими солдатами, известное как «бостонская резня». Здесь же, в Бостоне, состоялось и знаменитое «бостонское чаепитие».

С обеих сторон активно практиковались методы экономического воздействия. Колонисты довольно успешно использовали бойкот как меру давления на британских законодателей (и действительно, и закон о гербовом сборе, и акты Тауншенда были отменены в результате многочисленных петиций английского купечества, несшего серьезные потери). В свою очередь и английское правительство решило бороться с контрабандистами экономическими мерами. Были отменены пошлины на стекло, краску, бумагу; сохранялась лишь пошлина на чай – символ верховенства английского парламента. Борьба против пошлины на чай приобрела характер политической кампании. Чай был самым популярным напитком в колониях и считался предметом первой необходимости. Ирония ситуации заключалась в том, что колонисты, борясь с зависимостью от Англии, всячески культивировали английский стиль жизни, ведь кроме Англии и колоний в Северной Америке чай пользовался популярностью только в Голландии. Население колоний отказывалось приобретать облагаемый пошлиной чай, предпочитая покупать его у контрабандистов. Но цена на чай значительно снижалась, так как Ост-Индская компания, которой в тот момент британское правительство пыталось помочь выйти из сложной финансовой ситуации, получила право беспошлинного ввоза чая в британские колонии. Инициаторы «чайного закона» рассчитывали таким образом лишить американских контрабандистов, доставлявших чай из Голландии, возможности конкурировать с легальной английской торговлей. Изданием «чайного закона» английское правительство предполагало привлечь на свою сторону рядовых потребителей в колониях, так как в результате цена на чай должна была снизиться почти вдвое. Тем самым планировалось нанести сокрушительный удар по контрабандной торговле, «гнездом» которой был Бостон.

Патриотические организации приняли решение вообще не допускать выгрузки чая на американский берег. Когда в декабре 1773 г. в Бостонский порт была доставлена крупная партия чая, принадлежавшая Ост-Индской компании, патриоты, ведомые Дж. Хэнкоком и С. Адамсом, переодевшись индейцами, ночью пробрались на суда компании, стоявшие в Бостонском порту, и выбросили чай в море. Получив известие о «бостонском чаепитии», правительство стало на путь репрессий, несмотря на оппозицию вигов, убеждавших парламент сделать еще одну попытку мирного разрешения конфликта.

Взбешенный Георг III, заявив, что «уступки только усугубили ситуацию» в колониях, потребовал решительных мер. Было издано четыре, как их называли в Англии, «репрессивных акта» (а в Америке они получили название «нестерпимых» – *intolerable acts*). Был закрыт Бостонский порт; колония Массачусетс лишена хартии, а королевский губернатор генерал Гейдж получил чрезвычайные полномочия; лица, обвинявшиеся в антиправительственной деятельности, могли направляться для суда либо в Англию, либо в любую из колоний по усмотрению британской администрации; был подтвержден акт о расквартировании британских войск в частных домах колонистов. Тогда же принимается Квебекский акт, провозгласивший свободу вероисповедания для французских католиков в Квебеке, возможность использовать французский язык, а главное – расширение границ Канады за счет включения долины реки Огайо – а ведь американцы уже считали эти земли своими!

Бостон обратился к другим Комитетам связи с очередной резолюцией о бойкоте английских товаров. Началась кампания поддержки бостонцев. «*South Carolina Gazette*» писала: «Мы считаем, что эти отвратительные нападки на Бостон направлены не только против города, но и всего континента». Протест против репрессивных мероприятий короны повлек за собой роспуск законодательной ассамблеи Виргинии. Это становилось уже традицией – население той или иной непокорной колонии наказывали роспуском представительного учреждения как символа политических прав ее жителей. Виргиния обратилась к другим колониям с инициативой прислать своих делегатов на I Континентальный конгресс для организации совместной борьбы против репрессивных действий метрополии. Вновь, как и в 1765 г., представители колоний собрались на общеколониальный форум. Вновь принимается петиция верноподданнического характера. «Мы не хотим революции», – заявил делегат от Северной Каролины. Однако в работе этого конгресса приняли участие уже двенадцать, а не девять колоний (лишь Джорджия не прислала своих представителей). К этому моменту патриотическое движение имело уже серьезное идеологическое оружие – антиколониальную доктрину.

Эта доктрина начала разрабатываться в 1764 г., когда в ходе дебатов вокруг проекта гербового сбора были обозначены ее исходные принципы. Вопрос о правовом положении североамериканских колоний в Британской империи стал лейтмотивом большинства памфлетов и выступлений этого периода. Из стремления максимально широко трактовать полномочия местных выборных органов власти постепенно выкристаллизовывалась доктрина независимости. Идеология патриотического движения получила наиболее полное воплощение в памфлетах, авторы которых – Дж. Отис, Дж. Дикинсон, А. Гамильтон, Дж. Адамс, Т. Джефферсон – мгновенно становились известными людьми. Оригинальную концепцию государственно-правовой автономии Северной Америки в рамках Британской империи (или *homerule*), сформулированную впервые Б. Франклином, к середине 70-х годов XVIII в. разделяли большинство идеологов патриотического лагеря. По замыслу Франклина, североамериканские колонии и Англия должны были стать двумя равноправными и суверенными частями империи, высшая законодательная власть в которых должна принадлежать собственным представительным собраниям. Символическим связующим звеном между двумя политически-

ми сообществами должен был стать английский монарх. Собственно говоря, Франклин первым стал называть колонии штатами (т.е. государствами), еще за несколько лет до объявления независимости.

В памфлетах Т. Джефферсона, А. Гамильтона, Дж. Адамса идея гомру-ля получила дальнейшее развитие, причем отличительной чертой их работ стала апелляция исключительно к естественно-правовому учению (почерпнутому прежде всего в работах английских философов Д. Юма, Ф. Хатчесона, Дж. Локка) для обоснования социально-политических устремлений колоний. Для первых работ, выходявших, как правило, из-под пера колониальных юристов, был характерен поиск «свобод и привилегий» американцев в колониальных хартиях и английском общем праве. Однако постепенно «свобода» начинает трактоваться скорее как абстрактное естественное право, а не конкретная привилегия.

ВОЙНА: ПАТРИОТЫ И ЛОЯЛИСТЫ

Ситуация в Британской Америке после проведения I Континентального конгресса развивается стремительно. Генерал-губернатор Массачусетса получает приказ из Лондона арестовать зачинщиков мятежа – С. Адамса и Дж. Хэнкока. В окрестностях Бостона, в Лексингтоне и Конкорде 19 апреля 1775 г. произошли первые столкновения патриотов с английскими войсками, которыми в историографии датируется начало Войны за независимость. Собравшийся в Филадельфии в мае 1775 г. II Континентальный конгресс принимает решение о создании континентальной армии и назначает виргинского плантатора, ветерана войн с индейцами и французскими колонистами Джорджа Вашингтона ее главнокомандующим. Несмотря на то что военные действия были в полном разгаре, большинство делегатов Континентального конгресса не рассматривали их как войну за независимость и все еще рассчитывали на возможность примирения с метрополией. Конгресс принимает «Петицию оливковой ветви» (the Olive Branch Petition), в которой умеренные делегаты выражали свои верноподданнические чувства Георгу III и просили о «восстановлении» прав американцев в рамках империи. Радикально настроенные делегаты конгресса (С. Адамс, П. Генри) подготовили иной документ – «Декларацию о причинах, заставивших взяться за оружие». В свою очередь Георг III в августе 1775 г. выпустил прокламацию о необходимости подавления мятежа в американских колониях.

Несмотря на бурные события 1775 г., центральным требованием патриотического антиколониального движения продолжало оставаться введение государственно-правовой автономии Северной Америки. Призыв к независимости впервые прозвучал со страниц памфлета «Здравый смысл», опубликованного 10 января 1776 г. в Филадельфии. Его автор, англичанин Томас Пейн прибыл в Америку двумя годами ранее с рекомендательным письмом Франклина. В очень простой и доходчивой форме Пейн сделал то, на что не осмеливался ни один из признанных лидеров патриотического движения: он впервые выдвинул и всесторонне аргументировал концепцию независимости и республиканизма. Выступив с жесткой критикой института монархии, автор «Здравого смысла» развенчал монархические иллюзии американцев

и остроумно высмеял их преклонение перед конституционной монархией английского образца. Отвергнув сомнения в отношении жизнеспособности республиканской формы государственного устройства, которые разделялись многими идеологами Просвещения, Пейн выступил в защиту республики.

Памфлет Т. Пейна, совершив настоящий переворот в настроениях американцев, по сути подготовил почву для принятия Декларации независимости, которая стала венцом антиколониальной доктрины. Хотя для подготовки текста Декларации Конгрессом был назначен комитет в составе пяти человек (Джона Адамса, Роджера Шермана, Бенджамина Франклина, Роберта Ливингстона и Томаса Джефферсона), автором документа стал 33-летний виргинский плантатор и адвокат Томас Джефферсон. Гений его состоял в том, что он не стремился, по его собственным словам, «раскрыть новые принципы или новые доказательства», а хотел «выразить уמוнастроения Америки», – и сделал это великолепно!

Изложение обвинений в адрес метрополии и лично короля Георга III занимает большую часть текста Декларации. Однако подлинное философское и политическое кредо Американской революции Джефферсон лаконично сформулировал так: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они наделены создателем определенными неотчуждаемыми правами, к которым принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав люди учредили правительства, берущие на себя справедливую власть с согласия управляемых. Всякий раз, когда какая-либо форма правления ведет к нарушению этих принципов, народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких началах, какие, по мнению народа, более всего способствуют его безопасности и счастью». Перед нами три основополагающих политических принципа Просвещения: равенство естественных прав человека, общественный договор как основа любой политической власти и признание права народа на восстание против деспотического правления. С точки зрения международного права абсолютной новостью был способ возникновения нового государства путем самопровозглашения.

Американское общество оказалось расколото на сторонников независимости (патриотов) и лоялистов, сохранивших верность британской короне. Точной статистики численности патриотического и лоялистского движения нет, однако широко известно высказывание Джона Адамса о том, что треть населения бывших колоний оказалась среди сторонников революции, треть сохранила верность Англии и треть осталась нейтральной. Сейчас большинство исследователей склонны полагать, что лоялистских позиций придерживалась несколько меньшая часть населения, а значительная часть колонистов стремилась остаться в стороне от вооруженного конфликта.

Как правило, к числу лоялистов принадлежали представители колониальной элиты, опасавшиеся «безумства черни» и установления «тирании толпы», казавшейся им намного страшнее, чем деспотические начала королевского управления колониями. Слишком сильна была историческая традиция принадлежности к английской короне, многие верили в то, что английская система правления служила надежной гарантией защиты их прав, свобод и привилегий. Многие боялись английской карательной экспедиции. Англиканский священник Чарлз Инглис взывал к жителям Америки: «Как

только мы выступим за независимость, безжалостная война, со всеми ее чудовищными ужасами, опустошит нашу некогда счастливую землю... Потоки крови прольются, и тысячи людей будут низведены до состояния нищеты и крайней нужды...»

Основная и наиболее влиятельная часть лоялистов состояла из бывших представителей колониальной администрации, духовенства англиканской церкви и купцов, имевших тесные торговые связи с Великобританией. Социальный конфликт в колониях иногда самым причудливым образом влиял на политические предпочтения различных групп населения. Так, например, в долине р. Гудзон (Нью-Йорк) богатые землевладельцы приняли сторону патриотов, в то время как фермеры-арендаторы сохранили верность короне. Был и некий этнический аспект лоялизма – многие колонисты шотландского происхождения выступили в поддержку короны. Что касается географии лоялизма, то он получил наибольшее распространение в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Джорджии и Южной Каролине. Во время войны существовали целые армейские соединения, сформированные из лоялистов; тем не менее их действия мало повлияли на исход всего англо-американского конфликта.

Главным средством борьбы с лоялистами стала конфискация их собственности. Во время революции подверглись экспроприации земли, принадлежавшие короне, англиканской церкви, собственникам колоний. Потеряли свои владения семейства Пенн в Пенсильвании и Балтимор в Мэриленде. Тем не менее это не привело к серьезному переделу собственности; конфискации затронули лишь небольшую часть недвижимости. Преследования лоялистов не переросли в террор, а репрессии – в массовые казни. Однако более 100 тыс. человек оказались вынуждены покинуть бывшие колонии, понеся серьезные имущественные потери. Основной поток лоялистов устремился в Канаду, Британскую Вест-Индию и метрополию.

Гражданское противостояние в колониях имело и расовый аспект, так как в него оказались вовлечены негры и индейцы. Английское правительство, запретившее жителям колоний переселяться за Аллеганы, убеждало индейцев в дружественности своей политики, одновременно не забывая напоминать вождям племен об агрессивном захвате индейских земель колонистами. Эта агитация удалась: в целом большинство индейских племен выступили на стороне Англии в рамках англо-американского конфликта, хотя и не спешили с какими-либо активными действиями. Однако, принимая решение о поддержке той или иной стороны, вожди руководствовались соображениями межплеменного соперничества. Так, среди племен ирокезов началась по сути своя гражданская война.

Что касается негров, то в самом начале войны (в ноябре 1775 г.) королевский губернатор Виргинии Данмор обещал освободить тех рабов, которые с оружием в руках будут сражаться на стороне Англии. Среди рабов постоянно муссировались слухи о том, что лично английский король, возглавив английское вторжение, «придет с Библией, и изменит весь мир, и освободит негров». Многие негры откликнулись на призывы английских властей; из бывших рабов был сформирован Негритянский полк (Ethiopian regiment), на форме у солдат была надпись «Свободу рабам». Значительно меньшая часть негров участвовала в военных действиях на стороне патриотов и была впоследствии выкуплена правительством у их бывших хозяев. До 50 тыс. негров, сражав-

шихся с обеих сторон, смогли в результате войны обрести свободу. И хотя институт рабства на плантаторском Юге остался в неприкосновенности, на Севере постепенно разворачивалась кампания по его отмене. Многие патриоты понимали несовместимость провозглашенных в Декларации независимости принципов и сохранявшегося рабства негров. Абигайль Адамс писала мужу в 1774 г. в разгар работы I Континентального конгресса: «Мне всегда казалось удивительно чудовищным и несправедливым <...> самим бороться за то, в чем мы отказываем тем, кто имеет такое же право на свободу, как и мы сами».

Война с американцами расколола и саму Англию. Так, например, в достаточно консервативном Ланкашире было собрано 6,5 тыс. подписей в поддержку войны, однако проживавшие на территории графства квакеры, сохранявшие тесные духовные и экономические узы с «друзьями» в американской Пенсильвании и верные пацифистским идеалам, собрали 4 тыс. подписей против войны. Особенно сильна оппозиция войне была в графствах Восточной Англии и в Уэльсе. Напротив, север Англии и Шотландия выступили горячими поборниками войны с североамериканскими колониями, подав адреса (петиции) королю от городских советов, различных корпораций, групп граждан и полков милиции. Даже два крупнейших университета Англии разошлись во мнениях по этому вопросу: Кембриджский университет выступил против войны, а Оксфорд ее поддержал.

Английское правительство испытывало сложности с набором солдат в Британии для отправки их в Америку и было вынуждено обратиться к германским государствам с предложением подписать соглашение о поставке наемников. На заключительном этапе войны в британском экспедиционном корпусе служило так много немецких наемников, что сама кампания 1780–1781 гг. получила название «гессенской» (ландграф Фридрих II Гессен-Кассельский прислал англичанам большую часть этих наемных войск). В армии же Вашингтона сражалось немало добровольцев из Европы. Достаточно назвать имена француза М.Ж. Лафайета, поляка Т. Костюшко, пруссака Ф.В. фон Штюбена.

Английский триумф в Семилетней войне парадоксальным образом отразился на международной ситуации эпохи Войны за независимость. Жажда реванша подталкивала Францию воспользоваться первой удобной возможностью выступить против Британии. Такая возможность представилась с началом англо-американского вооруженного конфликта. В 1778 г. Франция объявила войну Англии, ко Франции присоединились Испания и Голландия. Страны континентальной Европы, не желавшие дальнейшего усиления Англии, организовали так называемую Лигу нейтральных в 1780 г., в составе России, Австрии, Пруссии, Швеции, Дании, Португалии, Королевства обеих Сицилий и Голландии. Провозгласив принцип свободы мореплавания и «вооруженного нейтралитета» (т.е. готовность защищать свою торговлю силой оружия), эти страны внесли определенный вклад в победу американских колоний. Таким образом, Война за независимость имела и существенное внешнеполитическое измерение, став важным этапом англо-французского противостояния, а главное, приведя к возникновению первого суверенного государства по другую сторону Атлантики. С точки зрения эволюции международных отношений в результате войны были заложены условия для будущего преодоления европоцентризма.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ США

С принятием Парижского мира 1783 г. и признанием США независимым государством закончилась антиколониальная война. Однако политическая революция была далека от завершения. Как писал американский просветитель Бенджамин Раш: «Закончилась американская война, но не американская революция. Завершился лишь только первый акт великой исторической драмы. Осталось учредить и усовершенствовать нашу новую форму правления».

Процесс государственного строительства в каждом штате начинался с принятия конституции. Первой это сделала Виргиния, став самостоятельным штатом еще до провозглашения Декларации независимости. В одних штатах были приняты более демократичные конституции, в других – более умеренные. Особенно выделялась своим демократизмом конституция Пенсильвании, которая провозгласила отмену имущественного ценза на выборах; в штате учреждалось однопалатное собрание и вводилась система ежегодных выборов. Конституция Нью-Джерси 1776 г. предоставила право голоса всем свободным жителям, обладавшим собственностью, лишив, таким образом, права голоса неимущих мужчин, но даровав его обладавшим собственностью женщинам. Особенно радикальным изменениям подвергся институт губернаторской власти. Своеобразной реакцией на всевластие королевских губернаторов и царившую в колониальной администрации коррупцию стало стремление патриотов максимально ограничить полномочия исполнительной власти. В большинстве штатов губернатор избирался сроком всего на один год, был лишен права вето. Избиравшее его законодательное собрание назначало ему жалование. В двух штатах, в Нью-Йорке и Массачусетсе, губернатор избирался прямым голосованием.

Государственное строительство в штатах проходило под знаменем республиканизма, доктрина которого, по мнению американского историка Г. Вуда, «означала для американцев нечто большее, чем простое устранение короля и учреждение выборной системы. Она добавляла нравственное измерение, утопическую глубину политическому отделению от Англии – глубину, которая предопределила характер их общества». В становлении государственной власти в Америке обычно выделяют период 1775–1778 гг., когда происходило формирование органов власти на уровне штатов. Что же касается центральной власти, то были выработаны «Статьи Конфедерации и вечного союза», которые стали неким прообразом общеамериканской конституции, но не содержали никаких правовых гарантий и не предоставляли центральной власти, т.е. Континентальному конгрессу, сколько-нибудь серьезных полномочий для управления страной, сохраняя за отдельными штатами полный суверенитет по целому ряду вопросов. Поэтому правоведы считают, что «Статьи Конфедерации» были своеобразным международным договором для объединения усилий отдельных штатов в борьбе против Англии, а не основным законом единого государства.

Объединение штатов носило пока в значительной степени символический характер, так как центральная власть в лице Континентального конгресса была крайне слабой. Континентальный конгресс представлял собой аморфное политическое образование с весьма непонятными, нечетко очерченными

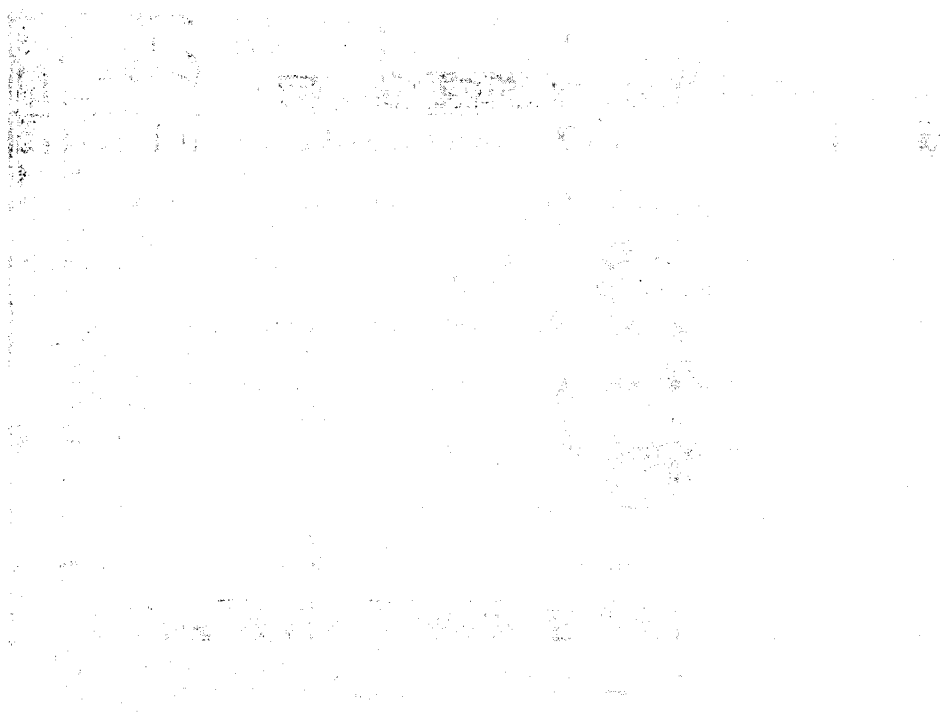
полномочиями. Каждый штат имел свое представительство – своеобразное «посольство» в Континентальном конгрессе. При голосовании каждый штат, вне зависимости от размера территории или количества жителей (или размера делегации) обладал одним голосом.

Несмотря на достигнутую определенную политическую, идеологическую и культурную общность, между штатами сохранялись довольно серьезные противоречия, служившие постоянным источником центробежных тенденций. В дневниковых записях Джон Адамс называет свой штат Массачусетс не иначе как «наша страна», а делегацию Массачусетса в континентальном конгрессе – «нашим посольством». Сравнивая столицы двух колоний, Пенсильвании и Массачусетса, он пишет: «Филадельфия со всей ее торговлей, богатством и правильностью – все-таки не Бостон. Мораль наших жителей много лучше; их манеры более изящны и приятны; они больше похожи на англичан; у нас правильный язык, лучше вкус, более красивые люди; мы превосходим других духовно, наши законы более разумны, наша религия более возвышенна, у нас лучшее образование».

«Статьи Конфедерации» всячески подчеркивали прерогативы местных властей, в частности их «самое главное право» – вводить налоги. Не имея права вводить налоги и пошлины, Конгресс сразу же столкнулся с серьезными финансовыми трудностями, так как наиболее крупные расходы шли на покупку оружия, военной амуниции и продовольствия, а также на уплату жалованья солдатам и офицерам континентальной армии. Те средства и методы, к которым обратился Конгресс в своей экономической и финансовой политике, были во многом показательными для состояния и характера центральной государственной власти США периода Войны за независимость. Чтобы получить необходимые средства, Конгресс прибег к массовой эмиссии бумажных денег. Было решено выпускать собственные деньги – доллары, стоимость которых приравнивали к стоимости «испанского доллара».

История возникновения американского доллара, ныне ведущей мировой валюты, уходит своими корнями в европейское Средневековье. В 1519 г. в Богемии стали чеканить монету для Священной Римской империи, серебро для которой добывали в расположенной поблизости горной долине Святого Иоахима. Монета, весом в одну унцию, получила название «иоахимсталер» или просто «талер» (от нем. «тал», или «таль» – долина). Талер, превратившийся, по сути, в мировую валюту, на севере Европы стали именовать «далером» (в Швеции и Дании), «даллером», «далларом» и, наконец, «долларом» (в Англии).

В британских колониях в Северной Америке долларами называли, как правило, любые крупные серебряные монеты, среди них и испанский песо (так называемый «испанский доллар»). Бумажные деньги, называвшиеся долларами, с 1775 г. стали печатать и Континентальный конгресс («континентальные доллары»), и правительства штатов. Например, законодательная ассамблея Виргинии предпочла приравнять свою валюту к испанскому золотому доллару, однако оголоривала эквивалент своей денежной единицы и в фунтах (1200 долларов равны 360 фунтам, соотношение 3,3 к 1). Но удержаться в заявленных рамках оказалось невозможно. К 1781 г. Виргиния напечатала так много бумажных денег, что покупательная способность 40 виргинских бумажных долларов равнялась монете в один испанский доллар. После окончания Войны за независимость Континентальный конгресс, по предложению Томаса Джефферсона, объявил американский доллар национальной валютой. Начиная с 1792 г., первые доллары США стали чеканить на Филадельфийском монетном дворе.

Трехдолларовая купюра. 1775 г.

Среди исследователей нет единого мнения о происхождении символа доллара (\$). Возможно, это условное изображение двух перевитых лентой Геркулесовых столпов с герба испанской королевской семьи. Среди американских нумизматов и коллекционеров популярна версия о том, что знак доллара возник в результате наложения букв US (составляющих название страны) друг на друга.

Со временем выпуск бумажных денег приобрел катастрофический характер. Континентальный конгресс был вынужден прибегать ко все новым и новым эмиссиям, вызвав инфляцию огромных масштабов. Общая сумма бумажных денег составила 226 млн долларов. Еще порядка 260 млн долларов «напечатали» власти отдельных штатов. В результате подскочили цены на все товары, но особенно больно инфляция ударила по рядовым жителям штатов. Основные расходы на войну несли фермеры и ремесленники: за приобретаемую у них продукцию власти штатов и Континентальный конгресс расплачивались бумажными деньгами. Так же расплачивались и с солдатами континентальной армии. Мешок соли в Мэриленде стоил в 1776 г. 1 доллар, а несколько лет спустя за него уже просили 3900 долларов в бумажных деньгах. В результате власти нескольких штатов пытались регламентировать рыночные цены и ввести «справедливые цены» на предметы первой необходимости. Тем не менее практически нигде не удалось избежать беспорядков, связанных с ростом цен. Например, в Бостоне толпа женщин обвинила торговца в том, что он «придерживал» товар, его «схватили за шею» и силой

заставили продавать по «старым ценам». Несмотря на то что большинство идеологов патриотического движения выступали за принципы свободной торговли и экономического либерализма, рядовые американцы поддерживали политику регулирования рыночных цен. Например, на городском собрании Филадельфии (богатейшем городе Америки!) в 1779 г. более двух тысяч граждан проголосовали за политику регулирования цен и только 300 человек выступили против.

Таким образом, созданная на основе «Статей Конфедерации» модель государственного устройства обнаружила очевидную слабость и неспособность эффективно решать стоящие перед обществом проблемы. Американская интеллектуальная и политическая элита продолжила поиск оптимальной модели «республиканского эксперимента», сосредоточив свои усилия на разработке доктрины республиканизма и основополагающих принципах нового государства, создаваемого на ее основе. И кризисные явления в американской экономике, и нарастающий социальный конфликт (вылившийся в восстание Д. Шейса в Массачусетсе), и желание добиться стабилизации политических институтов подтолкнули американскую верхушку к осознанию необходимости изменения политической системы и создания сильного централизованного государства. Федералисты дали развернутое идеологическое обоснование идеи сильного национального правительства, способного надежно гарантировать права собственности, обуздать разгул «демократической стихии» и консолидировать государственную власть в руках имущей элиты. «Отцы-основатели» США, собравшиеся в 1787 г. на Конституционный конвент в Филадельфии, открыто говорили о том, что «главная опасность проистекает от демократических статей существующих конституций. В этой конституции должен быть установлен барьер против демократии» (Э. Рэндольф); «народ должен быть как можно меньше допущен к делам управления. Народ всегда подвержен заблуждениям» (Р. Шерман).

Критикуя «чистую демократию», установившуюся в американских штатах, автор Виргинского конституционного проекта (легшего в основу федеральной конституции 1787 г.) Джеймс Мэдисон утверждал, что «демократии всегда являют собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали недолго и кончали насильственной смертью».

Несмотря на столь откровенную критику демократии, созданная в результате многочисленных компромиссов модель государственного устройства оказалась с ней вполне совместимой, получив в дальнейшем название представительной демократии. Главной задачей участников конституционного конвента, по мнению Мэдисона, было «совместить необходимость в устойчивом и сильном правительстве с должной заботой о свободе и республиканской форме правления». Конституция США не отвергла, а напротив, сохранила и развила доктрину разделения властей, гарантию гражданских и политических свобод, концепцию правового государства. Опираясь на идеи Локка и Монтескье, американские «отцы-основатели» сформулировали принцип «сдержек и противовесов», т.е. механизма, при котором ветви власти не просто разведены, но сдерживают и надежно контролируют друг друга, предотвращая возможность установления системы авторитарного правления. Возобладавший среди участников конвента политический реализм позволил

достичь определенного компромисса между демократическими нововведениями революционной эпохи и необходимостью стабилизации политических институтов в интересах верхушки американского общества. Как заявил один из участников конституционного конвента, «мы должны следовать примеру Солона, который дал афинянам не лучшую систему правления, которую мог придумать, а лучшую, какую они могли принять».

Доктрина республиканизма обрела в Америке еще одно интересное измерение: там стал формироваться «культ республиканского материнства», позволявший интегрировать женщин, не обладавших политическими правами, в политическое сообщество. Мерси Отис Уоррен, размышляя о политическом предназначении женщин в американской республике, отмечала, что они «будут поддерживать гражданскую добродетель, подчинив свою собственную самореализацию нуждам республики. Они будут воспитывать своих сыновей, чтобы они становились активными гражданами, приверженными общему благу республики».

Идеология республиканизма становится своеобразным каркасом, на основе которого постепенно формируется американская нация. Процесс складывания новой нации растянется вплоть до середины 20-х годов XIX в. Однако именно американской революции принадлежит решающая роль в этом процессе. По образному замечанию Э. Моргана, «не нация родила революцию, а напротив, революция создала нацию». Война за независимость вызвала небывалый всплеск патриотических чувств и пробудила национальное сознание американцев. Возведенный в ранг высочайшей республиканской добродетели, патриотизм стал отправной точкой формирования американской национальной идеи. Все последующее ее развитие проходило под знаменем Американской революции, постепенно превращавшейся в главный национальный миф.